

Из истории борьбы с лысенковщиной

Журнал продолжает публикацию архивных материалов о борьбе советских ученых против утверждения лысенковщины в послевоенной науке*.

28 апреля 1947 г. А. Р. Жебрак, ставший в марте этого года президентом Академии наук Белорусской ССР, и один из организаторов 2-й генетической конференции в МГУ С. И. Алиханян направили секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову письмо, в котором вновь обстоятельно обрисовали положение в советской генетике, охарактеризовали оба имевшиеся в ней направления.

Ниже приводятся извлечения из этого документа.

А. Р. Жебрак и С. И. Алиханян — А. А. Жданову

28 апреля 1947 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Мы позволяем себе обратить Ваше внимание на то положение, которое сложилось в области советской генетической науки...

В полемике непрерывно извращаются взгляды генетиков, искажается учение Дарвина, теория Мичурина, замалчиваются взгляды Тимирязева, фальсифицируется диалектический материализм, полемика, особенно устная, ведется в угрожающем тоне политического шантажа и т. д.

Мы считаем такой метод со стороны Лысенко и его ближайшего окружения совершенно недопустимым по отношению к советским ученым...

Генетика теснейшим образом связана с нашим сельским хозяйством. Поэтому наши разногласия имеют государственный характер. В зависимости от того, какая теория руководит практикой, будут те или иные результаты. Здесь уместна такая аналогия. Если бы в физике были разногласия о возможности освобождения энергии атома, причем одна школа просто бы отвергала все успехи физики в области атома и строила бы вздорные фантастические прожекты, а другая, — опираясь на точные данные науки, требовала бы развития работ в направлении теории атома, то, очевидно, что победа той или другой точки зрения определила бы успех работы. Эта аналогия не является преувеличением. Современная генетика дает методы работы, которые имеют колоссальное значение; успех целых отраслей сельского хозяйства зависит от применения методов современной генетики. В США генетический метод разведения кукурузы гибридными семенами от скрещивания инцухт-линий дал за время войны такую прибавку урожая, которая, по заявлению американских специалистов, окупила все расходы по исследованию в области внутри-атомной энергии...

* Начало см.: «Известия ЦК КПСС», 1991, № 4, с. 125—141.

Мы просим вас, Андрей Александрович, обсудить вопрос советской генетики и селекции в Центральном Комитете и принять соответствующее решение, обеспечивающее нормальное развитие этих отраслей науки в нашей стране, устранив те ненормальности, которые созданы деятельностью ак. Лысенко.

*Зав. кафедрой генетики и цитологии
Тимирязевской с. х. академии, профессор,
доктор биологических наук,
чл. ВКП(б) с 1918 г.*

А. Жебрак

тел. Д-1-88-16

*Зам. зав. кафедрой генетики и селекции
животных и растений Москов. Госуд. Универ.
доцент, кандид. биол. наук,
чл. ВКП(б) с 1939 г.*

С. Алиханян *

тел. К-3-73-95

Никакой реакции на это обращение ученых не последовало. К лету 1947 г. идеологическая атмосфера в стране резко обострилась. Разворачивается «борьба за освобождение от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой».

Роль основного идеолога кампании за «утверждение советского патриотизма», против «тлетворного» влияния Запада, за «перевоспитание» интеллигенции, деятелей науки и культуры осуществлял А. А. Жданов, прямо утверждавший: «Надо разоблачить непатриотических ученых, преклоняющихся перед границей, и одновременно показать настоящих патриотов, заботящихся и борющихся за честь советской науки» **

Летом 1947 г. была проведена философская дискуссия, на которой была раскритикована отмеченная незадолго до этого Сталинской премией книга Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»; было принято и распространено закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина, которые якобы передали американцам важное открытие советской науки — препарат для лечения рака; прекращались издания академических научных журналов на иностранных языках; были созданы и начали действовать «суды чести» *** и т. п.

Новой ситуацией не преминули воспользоваться Т. Д. Лысенко и его сторонники. 30 августа 1947 г. в «Литературной газете» была опубликована статья А. Суркова, А. Твардовского и Г. Фиша «На суд общественности», а 2 сентября в «Правде» — статья И. Лаптева «Антипатриотические поступки под флагом «научной критики» (3 сентября эта последняя перепечатана газетой «Социалистическое земледелие»). В этих статьях генетики А. Р. Жебрак и Н. П. Дубинин, в которых лысенковцы видели своих главных противников, обвинялись в том, что выступили с антипатриотическими статьями в зарубежной

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 104—114. Ред.

** ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 173, л. 85.

*** См. об этом «Известия ЦК КПСС», 1990, № 11, с. 135—137.

печати и не защитили Лысенко от нападков зарубежной прессы.

Необходимо отметить, что буквально за неделю до этой кампании в печати членом редколлегии и редактором по разделу науки и техники «Литературной газеты» был назначен философ М. Б. Митин, и его роль в организации клеветнических по своему существу статей против генетиков несомненна.

Документы ЦПА ИМЛ показывают, что лысенковские инсинуации не были безропотно приняты. В архиве Секретариата ЦК сохранились свидетельства непосредственной реакции на появление публикаций в печати. Ученые-биологи разных исследовательских направлений активно выражали свой протест против их появления. Написанные в удушающей атмосфере 1947 г., эти письма — памятник мужеству и гражданственности истинных ученых.

Первое по времени письмо в ЦК ВКП(б) было написано сотрудницей Государственной комиссии по сортоиспытанию Е. Н. Радаевой. Воспитанная в традициях Всесоюзного института растениеводства, возглавлявшегося академиком Н. И. Вавиловым, который был редактором ее первых научных работ *, она писала А. А. Жданову.

Е. Н. Радаева — А. А. Жданову

4 сентября 1947 г.

**СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ тов. ЖДАНОВУ А. А.**

Дорогой Андрей Александрович!

Под флагом борьбы за чистоту учения Дарвина — Тимирязева — Мичурина, около 20 лет назад, выступил Т. Д. Лысенко.

Известно, что советский народ, наша партия и Правительство не жалеют никаких средств для всякого прогрессивного начинания в науке. За короткий срок Т. Д. Лысенко стал академиком, главой сельскохозяйственной науки.

Его идеи о вырождении сортов положены были в основу вновь созданной системы сортового семеноводства и работы государственных селекционных станций. Его предложения о яровизации, внутрисортowych скрещиваниях, переделке природы растений, стерневых посевах и др. стали применяться как достижения передовой науки на десятках и сотнях тысяч гектарах в колхозах и хатах-лабораториях.

Методы акад. Лысенко были положены в основу работы многих институтов страны.

Вскоре, к великому удивлению и разочарованию советских ученых и колхозников, обнаружилось, что широковещательные предложения акад. Лысенко при практическом их осуществлении являются бесплодными.

В результате бесплодности лысенковских предложений его имя в народе стало нарицательным. Если передовиков народ называет стахановцами, то халтурщиков и очковтирателей наш мудрый, насмешливый народ окрестил «лысенковцами».

В первые годы крупнейшие селекционеры Советского Союза в лице акад. Константинова П. Н. и др. пытались через печать вскрывать ошибки акад. Лысенко, стремясь помочь ему найти правильный путь в науке.

Справедливую критику старейших ученых акад. Лысенко неизменно встречал истерическими криками о борьбе реакционных, буржуазных ученых против него, якобы новатора, носителя передовых

* Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929—1940 гг. — Научное наследство. Т. 10. М., «Наука», 1987, с. 350.

идей новой, нарождающейся, советской науки.

Пользуясь своим командным служебным положением в науке, акад. Лысенко открывал беспощадную травлю всех, кто осмеливался его критиковать.

Одновременно, акад. Лысенко, в подведомственных ему институтах, под тем же флагом борьбы с реакционерами в науке разгонял старые, высококвалифицированные кадры, слагавшиеся годами, и заменял преданными ему людьми. За короткий срок акад. Лысенко развалил, или, как иначе говорили между собою агрономы, произвел полную «трофимизацию» таких важнейших институтов, как ВИР, Сибниизхоз *, Институт генетики Академии наук СССР и др.

За короткий срок акад. Лысенко развалил ВАСХНИЛ. Основные массы академиков ВАСХНИЛ фактически покинули Академию, и ВАСХНИЛ превратился в пристанище шарлатанов от науки и всякого рода «жучков». Официальным философом ВАСХНИЛ стал небезизвестный Исай Презент, путаник и болтун, не раз битый за левацкие фразы и дела.

Одновременно акад. Лысенко захватил в свои руки с. х. печать.

С помощью перечисленных мер, акад. Лысенко удалось полностью заглушить критику его ошибок. Но вместе с критикой заглохло и развитие с. х. науки.

В то время, как лысенковцы продолжали беззастенчиво кричать, что Лысенко — это «светильник истины», ученые-агрономы говорили между собою, что с. х. наука «облысела».

Только трусливостью наших философов, ушедших в прошлое от решения современных задач, можно объяснить безнаказанное процветание лысенковщины.

Только потерей совести и чести можно объяснить ту беззастенчивую ложь и фальсификацию, к которой прибегает Лысенко и лысенковцы в борьбе за удержание занятых ими позиций в науке.

Ничем иным, как лысенковской фальсификацией, является выпад «проф. Лаптева», помещенный в газете «Правда» от 2 сентября 1947 г., против А. Р. Жебрака. По мнению почтенного профессора, Жебрак совершил антипатриотический поступок тем, что не заступился в 1945 г. в заграничной печати за Лысенко, когда тот подвергся критике со стороны буржуазных ученых.

Вряд ли ждали заступничества от Жебрака акад. Лысенко и Исай Презент, спрятавшиеся за спину проф. Лаптева, ибо им отлично известна была непримиримость теоретической борьбы с ними акад. Жебрака в течение 10 лет, нигде не скрывавшего своих убеждений и не намеревавшегося в угоду им идти на сделку с собственной совестью. Больше того, им просто не нужно было в то время заступничество Жебрака, т. к. под отечественным крылом они чувствовали себя надежно, а борьба буржуазных ученых создавала некий венец вокруг головы Лысенко, как борца за передовую социалистическую науку.

Почему же только два года спустя Лысенко — Презент вспомнили о кровных обидах, нанесенных им Жебраком?

Крокодиловы слезы Лысенко и лысенковцев после 2-летнего молчания объясняются тем, что в связи с клюевской историей, они смекнули, что могут кое-что заработать на этом деле, ошельмовав акад. Жебрака.

Под прикрытием громких стенаний об утраченной чести и патриотизме в лаптевской статье, при помощи ловкости рук, проведено два незамысловатых положения:

Первое о том, что лысенковское направление в Советском Союзе является не просто направлением[м] в биологии, а направлением государственным, это почти диалектический материализм. А отсюда следует

* Имеется в виду Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства в Омске. Ред.

Е. Н. Радаева с дочерью Людмилой. 1955 г.
Из семейного архива Л. Я. Радаевой.

31 июля 1948 г. Сессия ВАСХНИЛ. Во время выступления Т. Д. Лысенко

Из фондов Центрального музея Революции СССР.

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА

второе, о том, что критиковать Лысенко — это почти нападать на основу Советского государства, а обиды, нанесенные Лысенко, — это почти такая же утрата, как кража противораковой вакцины. А посему, привлечь к суду общественности лиц, способствовавших нанесению столь серьезного ущерба Советскому государству, как обида акад. Лысенко. Других преступлений акад. Жебраку как-будто не предъявляется.

Второй раз акад. Лысенко удаётся использовать авторитет «Правды» для осуществления морального террора над ненавистными ему учеными-коммунистами: в первый раз над акад. Жуковским П. М. * и второй — Жебраком А. Р.

Расправой над отдельными учеными с использованием политической ситуации акад. Лысенко пытается спасти свое пошатнувшееся положение, страхом расправы удерживать от критики остальных ученых и, воспользовавшись созданной им суматохой, захватить снова в свои руки с/х Академию в предстоящих выборах.

Одновременно, припертый к стене, он капитулирует в основных своих теоретических положениях. В частности, он всенародно на коллегии Министерства сельского хозяйства уже отрекся от созданной им системы сортосмены, почувствовав, что все-таки придется отвечать за бесплодие этой системы.

Зазнавшийся интриган и путаник! Убаюканный лестью окружающих его подхалимов, он не заметил, что за годы Советской власти выросло поколение советских ученых, которых не запугаешь террором, не введешь в заблуждение спекуляциями, которым не преподнесешь махизм под флагом диалектического материализма. Этим ученым пока негде сказать свое слово, но они терпеливо ждут своей очереди.

Акад. Лысенко, кажется, еще не осознал, что созданное им учение — это не больше как поганый гриб, сгнивший изнутри и только потому сохраняющий свою видимость, что к нему никто еще не прикасался. Нет сомнений в том, что советские ученые, получив необходимые для этого возможности, помогут понять акад. Лысенко «в его собственном самосознании», что такое созданное им учение в свете подлинной материалистической диалектики.

Можно согласиться с предложением проф. Лаптева о привлечении к суду общественности антипатриотов, но скамью подсудимого заслуживает акад. Лысенко и его подхалимы в большей степени, чем кто-либо другой.

Невосполним вред, нанесенный акад. Лысенко советской науке и производству.

Акад. Жебраку следует привлечь Лаптева к ответственности за оскорбление, нанесенное ему, как старому большевику, отнесением его разъярившимися лысенковцами, потерявшими всякое чувство политической меры, в один лагерь с буржуазными учеными с глубокомысленным намеком на Гитлера.

Лысенковцы бессильны доказать научным путем выставленные ими положения, не первый раз прибегают к помощи политического шантажа. Надо им дать понять в конце концов, что политика вещь серьезная, и бесцеремонное с ней обращение в Советском Союзе не остается безнаказанным.

Дорогой Андрей Александрович! Разрешите в Вашем лице, заверить старую большевистскую гвардию о том, что она и в области науки вырастила достойную себе смену, достаточно зрелую и бесстрашную, чтобы не позволить спекуляциями на наших трудностях под прикрытием революционной фразы, избивать истинных и пре-

* См.: Лысенко Т. Д. Не в свои сани не садись. (Ответ проф. П. М. Жуковскому на рецензию «Дарвинизм в кривом зеркале») — «Правда», 23 июня 1946 г. Ред.

данных делу строительства коммунизма советских ученых.

4/IX—1947 г.
Москва, 8,
Пасечная 1,
корп. 6, кв. 6

Член ВКП(б) с 1932 г.
партбилет № 4067056
Кандидат с.х. наук

Е. Радаева *

И еще на одну сторону этого письма следует обратить внимание. В современной публицистике встречается мнение, что Т. Д. Лысенко боролся с буржуазными учеными и внес немало полезного в развитие советской агрономии, а все критические замечания в его адрес рождены нынешними журналистами и литераторами, проклинаящими сталинский период. Подобные высказывания содержатся, например, в публикации В. Литова «И. А. Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве» в журнале «Молодая гвардия» (1989, № 4). Содержание письма Е. Н. Радаевой убедительно свидетельствует, что критическое отношение к Лысенко существовало всегда, оно было парализовано лишь после известной сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г.

Эмоциональный отклик направил А. А. Жданову генетик И. А. Рапопорт — автор открытия явления химического мутагенеза, вступивший в партию на фронте.

И. А. Рапопорт — А. А. Жданову

8 сентября 1947 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. А. А. ЖДАНОВУ

Товарищ Жданов!

Я считаю правильным решительное требование поднять достоинство советской науки и осудить подбострастие перед деятелями иностранной науки.

Однако невозможно согласиться со статьей проф. Лаптева, напечатанной недавно в «Правде», так как она не столько пропагандирует эту идею, сколько служит возрождению лихорадочной обстановки 1938—1939 гг., острых и бесплодных дебатов, мешающих научной, т. е. напряженной, точной экспериментальной работе в области генетики.

Достаточно просмотреть комплект журнала «Агробиология» (послевоенные годы) и некоторых других журналов, издаваемых Академией с.х. наук, чтобы убедиться в продолжении односторонней критики цитогенетики со стороны ламаркистов. К этому все уже привыкли. Меня заставляет к Вам обратиться присоединение к этой критике нового голоса со страниц центрального органа партийной печати.

К концу войны в Англии и САСШ появилось несколько книг и много журнальных статей, авторы которых проводят мысль, что советская генетика целиком стоит на почве теории наследования приобретенных признаков. Переведены книги акад. Лысенко и подробно реферируются работы сторонников его теории, имеющих в своем распоряжении несколько журналов.

*Я считаю информацию, которую дали на страницах «Sciencef», тт. Жебрак и Дубинин (по заказу ВОКС) ** правильной не потому, что*

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 22—27. Ред.

** Имеется справка зав. отделом печати Управления кадров ЦК ВКП(б) М. Щербакова на имя А. А. Жданова от 8 сентября 1947 г., в которой подтверждается, что статьи А. Р. Жебрака и Н. И. Дубинина были направлены в Америку через Совинформбюро (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 39). Ред.

одержим слепым фанатизмом цитогенетика-специалиста или связан личной дружбой с авторами этих статей. К тому времени, когда эти статьи заказывались и отсылались, правильная общая информация иностранных естествоиспытателей, среди которых немало наших искренних друзей, о лабораториях и исследователях нашей страны, стоящих на почве цитогенетики и плодотворно работающих, могла принести только пользу. Ведь в действительности ламарковская теория наследственности акад. Лысенко не просто устаревшая, а неправильная теория, не выдерживающая экспериментальной проверки. Если отождествлять это направление со всей советской генетикой, то возникнет впечатление о чрезвычайной отсталости у нас ведущей биологической дисциплины, сделавшей большие шаги вперед при участии именно русских ученых.

Важно, чтобы высокий объективный престиж был не только у советской химии, советской физики, но и отечественной биологии.

Объявить какой-нибудь недоброкачественный или сомнительный отечественный продукт прекрасным, не значит совершить патриотический поступок, если даже это сделать по искренним побуждениям. В нем только самодовольство и глупость. Поэтому т. Жебрак поступает правильно, когда указывает на заслуги акад. Лысенко в агрономии и физиологии растений, но не прославляет его за исторические открытия в генетике, которые Лысенко еще не сделал. Фальшивая лесть роняет достоинство ученого гораздо больше, чем правда.

И. Рапопорт, чл. ВКП(б)
доктор биологич. наук *

Заметим, что И. А. Рапопорт после августовской сессии ВАСХНИЛ, на которой он выступил в защиту генетики как науки, был исключен из рядов ВКП(б). А незадолго до смерти Указом Президента СССР от 16 октября 1990 г. член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии И. А. Рапопорт в группе ученых-генетиков удостоен звания Героя Социалистического Труда за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции.

Профессор Московского университета, физиолог растений Д. А. Сабинин, много лет самоотверженно борющийся с лысенковщиной, также писал А. А. Жданову.

Д. А. Сабинин — А. А. Жданову

8 сентября 1947 г.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Ваше внимание к научной и культурной жизни нашей страны, Ваше направляющее влияние на решение острых дискуссионных вопросов в этой области, позволяют мне обратиться к Вам с настоящим письмом.

На днях в «Правде» и в «Литературной газете» появились статьи, полные возмущения по адресу проф. Жебрака, опубликовавшего примерно полтора года назад статью в ответ на выступление американского ученого Сакса. Авторы статей в «Правде» и «Литературной газете» требуют предания А. Жебрака суду общественности. Следовательно, приходится заключить, что все мы, читавшие в 1945 г. ответ А. Жебрака в «Science» и вполне удовлетворившиеся им, не сумели заметить в нем главного, или же, что авторы указанных статей, полтора года переваривая впечатления от этого ответа, все же не сумели его понять и оценить должным образом.

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 35—36. Ред.

Статья Сакса, опубликованная в апреле 1944 г., задевала достоинство нашей науки, наших ученых. Они изображались в ней как послушная толпа, внимающая директивам сверху и, в частности, почтительно умолкшая перед Лысенко, получившим поддержку властей. Что можно и что нужно было ответить Саксу, чтобы этот ответ прозвучал так сильно и убедительно как этого требовала ситуация, сложившаяся вокруг поднятого вопроса о свободе науки в нашей стране?

Ответа сильного, независимого и проникнутого убежденностью. Проф. Жебрак в своем ответе, разобрав положение генетики в СССР, в наших вузах, институтах, очень убедительно показал, что она развивается по тому пути, которым она шла до появления генетических работ Лысенко. Проф. Жебрак сказал все, что можно сказать в коротенькой статье для опровержения основных принципиальных положений статьи Сакса. Правда, он не взял под свою защиту чести Лысенко как ученого-генетика. Вот это обстоятельство и вызвало возмущение наших авторов Лаптева, Фиша, Суркова. Спрашивается, мог ли и должен ли был Жебрак, выступая на страницах журнала, читаемого учеными всего мира, защищать величие Лысенко, как генетика?

Он не мог этого делать по той простой причине, которая создала в нашей стране заговор молчания вокруг последней наиболее широко-вещательной из всех статей Лысенко, работы «Наследственность и ее изменчивость»*. Не может ученый-натуралист солидаризоваться с утверждениями о «превращении элементов в теле организма не в то, чем были эти химические элементы вне организма». Не может биолог, считающий успехи в изучении составных частей клетки, ядра и хромозом одним из важнейших достижений последней четверти века, согласиться с заменой всех этих представлений положением о наследственности как свойстве клетки в целом и о том, что «каждая капелька протоплазмы обладает наследственностью». С возмущением и стыдом закрываешь книгу, где автор говорит о «развитии как закручивании и раскручивании», где нет ни одной страницы, лишенной путаницы и противоречий. Ведь эта книга переведена на английский язык**. О ее содержании и характере узнали на Западе и в США уже за год-два до этого перевода.

Солидаризироваться с упомянутой книжкой Лысенко, с этим манифестом лысенковской генетики, не мог ни Жебрак, и ни один передовой биолог нашей страны, не отказываясь от ряда положений, являющихся основой современной биологии.

Конечно, можно сказать так: Жебрак должен был взять на себя защиту всего, что занимает видное место в нашей науке, раз он взялся за перо для поддержания нашего национального достоинства. Но ведь проф. Жебрака знают в США, знают его работы, его взгляды, его позицию в дискуссионных вопросах генетики. Если бы он, давний противник Лысенко на страницах нашей печати, торопливо сменил вехи при ответе Саксу, то это могло бы быть лишь утверждением лживых утверждений Сакса. Ответ Жебрака был особенно убедителен и хорош именно потому, что он содержал в себе тот элемент независимой критики, само существование которой в нашей стране отрицал Сакс. Таким образом, самым ценным в ответе Жебрака было, пожалуй, именно то проявление независимости суждения о Лысенко, которое так возмутило товарищей из «Правды» и «Литературной газеты». Вот этого-то они, к сожалению, и не поняли в ответе Жебрака.

Правда, винить их за это трудно. Если им понадобилось полтора года для того, чтобы додуматься, что ответ Жебрака достоин возмущения, то не

* Эта работа Т. Д. Лысенко была издана в 1944 г. Ред.

** Книга Т. Д. Лысенко была переведена на английский язык Ф. Г. Добжанским. Ред.

меньший срок пройдет, пока они разберутся в своей ошибке.

Профессор Московского Государственного
Университета, завед. кафедрой физиологии растений

Д. Сабинин

8/IX—47 г.
Москва, 9, ул. Герцена 6,
Институт Ботаники МГУ
Дмитрий Анатольевич
САБИНИН *

После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Д. А. Сабинин был отстранен от работы в МГУ и в 1951 г., не выдержав травли, застрелился.

Гневный протест против обвинений в адрес А. Р. Жебрака направил А. А. Жданову один из старейших и наиболее уважаемых селекционеров академик ВАСХНИЛ П. И. Лисицын. Напомним, что именно о его работах писал В. И. Ленин и ратовал за их энергичную поддержку **

П. И. Лисицын — А. А. Жданову

10 сентября 1947 г.

Многоуважаемый Андрей Александрович!

В газете «Социалистическое земледелие» от 3 сентября текущего года появилась статья проф. Лаптева, обвиняющая проф. Жебрака ни больше ни меньше как в антипатриотизме. Меня возмутила эта статья как дикостью обвинения хорошо известного мне с совершенно другой стороны человека, так и грубой демагогичностью тона, и я не могу удержаться, чтобы не выразить своего возмущения и удивления. Я не собираюсь здесь касаться подробностей и опровергать, но сам собою встает вопрос — кому такая статья нужна? Ведь она настолько груба и так проникнута очевидной клеветой, что рассчитана только на некультурного читателя. Повидимому автор считает, что он живет в дикой стране, где его стиль наиболее доходчив. Ясно чувствуется, что цель статьи — во что бы то ни стало смешать с грязью своего «врага», но при этом затрагиваются вопросы, которыми мы не можем швыряться (свобода исследования, философия). Дискуссия о книге Александрова красноречиво доказала, что мы настолько культурны, что самые глубокие вопросы философии можем обсуждать в границах деловой аргументации, без единого признака базарного стиля. До этого уровня нужно поднять и стиль нашей прессы, а статьи, подобные грязной статье проф. Лаптева, тянут вниз. Пора бы призвать к порядку таких разнузданных авторов.

*Проф. Лисицын ****

Москва 8, Ивановская 8а

П. И. Лисицын мужественно отстаивал правоту А. Р. Жебрака и на предварительном следствии в ходе подготовки «суда чести» над ученым.

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 30—32. Ред.

** См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 54, с. 301.

*** ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 38.

Профессор Лисицын не дожид до позора ВАСХНИЛовской сессии — он умер в феврале 1948 г.

В материалах Секретариата ЦК ВКП(б) сохранились и письма обоих критиковавшихся ученых А. Р. Жебрака и Н. П. Дубинина, в которых они решительно возражали против предъявленных им обвинений.

А. Р. Жебрак — А. А. Жданову

5 сентября 1947 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А. А.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович.

Полемические статьи угрожающего тона, опубликованные в газетах («Правде» от 2-го сентября, «Литературной газете» от 30-го августа и «Социалистическом земледелии» от 3-го сентября) и направленные против меня, создали исключительно тяжелое положение для меня и всей моей научной и организационной работы. Всего 12-го мая с. г. я был избран президентом Академии наук Белорусской ССР и энергично принялся за восстановление разрушенной немецкими оккупантами академии. Перед этим избранием, руководящие деятели Белоруссии, хорошо знавшие меня, в течение ряда лет упорно настаивали на моей кандидатуре на пост президента Академии наук. Я настойчиво отказывался, т. к. понимал, что мои разногласия по теоретическим вопросам современной генетики с акад. Лысенко, при его высоком общественном положении, будут мне мешать заниматься организационными делами на этом высоком посту. Но так как белорусские организации были чрезвычайно настойчивы, то я вынужден был согласиться на избрание меня президентом академии. Но теперь я совершенно убедился в ошибочности своего согласия на это выдвижение, так как это мое выдвижение вызвало невероятное раздражение и активность моих теоретических противников.

Поводом для выступлений против меня является моя статья, опубликованная в американском журнале «Наука» около 2-х лет тому назад. Эта статья была написана мною по поручению антифашистского комитета советских ученых.

История вопроса такова. В январе месяце 1944 года в американском журнале «Наука» была опубликована благожелательная для нас статья профессора Колумбийского университета Денна, являющаяся изложением его доклада на собрании американо-советского общества 7-го ноября 1943 года. В ответе проф. Денну проф. Харвардского университета Сакс сделал ряд клеветнических выпадов против нашей страны и правительства.

Статья Сакса вызвала возмущение у советских ученых. Антифашистский комитет советских ученых поручил мне написать ответ Саксу. Я выполнил это поручение. Антифашистский комитет перевел статью и послал ее в редакцию журнала «Наука». Несколько позже копия статьи была послана проф. Денну. После выхода статьи в свет, широкие круги научной и партийной общественности познакомились с ее содержанием. И только через полтора-два года начата такая кампания против меня. Первым начал кампанию журнал Лысенко «Агробиология» № 5—6 за 1946 г. *. Статья И. Лаптева повторяет материалы и основные утверждения из «Агробиологии»...

При составлении текста своего ответа Саксу я руководствовался исключительно патриотическими стремлениями и стремился поднять пре-

* Имеется в виду статья И. И. Презента «Дарвинистически-мичуринская биология и зарубежный морганизм». Ред.

стиж нашей страны, нашей генетической науки и отвести клеветнические выпады зарубежного ученого Сакса против основных принципов политики нашего правительства в области науки...

Мое критическое отношение к взглядам акад. Лысенко в области генетики вытекает из моих экспериментальных работ и анализа литературы вопроса. Я прошу Вас, Андрей Александрович, разрешить познакомиться Вас с некоторыми оригинальными фактами моих исследований, которые являются совершенно новыми в теоретическом отношении и представляют непосредственную ценность для с-х. практики. В частности мною экспериментально получено три совершенно новых типа самых крупнозерных пшениц, которые могут рассматриваться в качестве новых ботанических видов, получены в моей лаборатории новые типы гречихи, проса и др. культур. Выведено несколько сортов озимых пшениц, два из которых уже переданы в государственное испытание, а один из них является совершенно неполегающим и представляет совершенный тип для механизированной уборки. Все эти факты являются совершенно новыми и оригинальными, которые хоть в очень малой степени, но увеличивают славу нашей генетической науки. Поэтому по Вашей схеме борьбы между старым и новым, я нахожу свое место среди нового, а не среди старого...

Я прошу Вас, Андрей Александрович, разрешить мне личную встречу с Вами, выслушать мои объяснения и оказать содействие в опубликовании в «Правде» моего объяснения.

С глубоким уважением к Вам

А. Р. Жебрак.

(Член ВКП(б) с 1918 г.)

5-го сентября 1947 г.
Тел. Д1-88-16 *

Н. П. Дубинин — А. А. Жданову

22 сентября 1947 г.**

Глубокоуважаемый Андрей Александрович! ***

В газете «Правда» от 2/IX—1947 г. появилась статья «Антипатриотические поступки под флагом «научной критики», в которой т. Лаптев, касаясь моей статьи в американском журнале «Наука», совершенно искажил ее смысл и содержание.

Я готов принять любую критику, если она объективна и принципиальна. Однако этого нельзя сказать о статье т. Лаптева...

Если оставить в стороне чисто субъективные оценки моей статьи со стороны т. Лаптева, то он выдвинул два обвинения:

1. т. Лаптев пишет, что я ложно осветил советскую биологию. Это обвинение возможно только потому, что т. Лаптев старается приписать мне задачи, за которые я не брался. Я в своей статье освещал не советскую биологию в целом, а лишь цитогенетику и ее приложение к вопросам эволюции. При этом т. Лаптев внушает читателю, что я якобы вообще ничего не писал об успехах советской науки. На самом же деле я пропагандировал десятки крупных работ советских ге-

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 1—4. Ред.

** Дата получения. Ред.

*** На первой странице письма есть резолюция: «т. Кафтанову. 29.9. А. Кузнецов». Ред.

нетиков, которые проложили новый путь для советской и мировой науки...

Тов. Лаптев пишет: «Все мичуринское направление Дубининым замалчивается». Под мичуринским направлением т. Лаптев понимает работы ак. Лысенко и его школы. Эти работы не относятся к области цитогенетики и не входят в круг тех конкретных эволюционных вопросов, связанных с современной генетикой, которые были предметом разбора в моей статье. Кроме этого, я считаю, что ак. Лысенко не развивает основных идей И. В. Мичурина. Я не согласен с ак. Лысенко по основным вопросам теоретической генетики. Тов. Лаптев отлично это знает. Разве я не имею права уклониться от обсуждения взглядов ак. Лысенко там, где я считаю нужным! Чего же хочет от меня т. Лаптев? Чтобы я обязательно полемизировал с ак. Лысенко? Или он хочет, чтобы я написал неправду?

2. Скрыв от читателя, что я в моей статье сообщаю о работах десятков советских генетиков т. Лаптев пишет: «Кого же считает Дубинин советскими биологами? Оказывается, что здесь превозносятся такие «советские биологи», как Добжанский и Тимофеев-Рессовский — открытые враги советского народа».

Нужно сказать прямо, что т. Лаптев, выдвигая это обвинение, поступил недобросовестно. Он в совершенно ложном свете представил смысл моего упоминания фамилий Добжанского и Тимофеева-Рессовского.

В моей статье много места уделяется эволюционной генетике, которая представляет собою новое направление целиком заложенное трудами советских ученых. Это передовое направление было быстро подхвачено за рубежом. Решительно подчеркивая приоритет советской науки, я писал:

«Разработка проблем эволюционной генетики сыграла важную роль в истории и развитии советской генетики. Это направление было заложено и разработано русскими учеными... После появления этих исследований, новое течение быстро приобрело характер одного из центральных направлений в мировой науке. В США Добжанский, Стертевант и другие ученые опубликовали важные исследования по генетике популяций и по общим вопросам видообразования. Работы Гордона появились в Англии, Тимофеева-Рессовского в Германии и т. д.»

Приведенный отрывок является единственным местом, где я ссылаюсь на двух затрагиваемых авторов. Дает ли текст этого отрывка какие-нибудь основания для тех утверждений, которые сделал т. Лаптев?.. Не ссылаться на этих двух авторов, работы которых общеизвестны, значило бы создать впечатление о незнании мною этих работ, или еще более ложное впечатление, что их работы являются самостоятельными, а не возникли вслед за основными советскими исследованиями. И то и другое значило принизить советскую науку. Статья т. Лаптева создает впечатление, что цитируя Добжанского и Тимофеева-Рессовского, я совершил поступок, так сказать, неслыханный для советского ученого. Однако это является недоразумением, работы этих авторов часто цитируются в советской биологической литературе...

Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

...Наличие разных точек зрения в науке и свободный критический обмен мнениями является ярким выражением того факта, что в советском обществе движущей силой развития является применение критики и самокритики.

К сожалению ак. Лысенко, И. Презент и др. извращают сущность спора, изображая его, как проявление борьбы антагонистических классов...

Презент делает все, чтобы оскорбить, принизить советскую экспериментальную генетику и ученых, которые ее разрабатывают...

К сожалению приходится констатировать, что статья т. Лаптева во

многим повторяет материалы и мотивы двух недавно напечатанных статей И. Презента («Ленинградская Правда» № 54, 1947 * и «Агробиология» № 5–6, 1946).

Тов. Лаптев критикует проф. Жебрака за его выступление в американском журнале «Наука». Объективна ли критика т. Лаптева, направленная против этого выдающегося советского ученого, экспериментальные работы которого по созданию новых видов пшениц известны всему миру? К сожалению эта критика необъективна!... Лживо используя авторитет проф. Денна т. Лаптев скрыл от читателя «Правды», что проф. Денн в 1946 г. выступил с решительным осуждением генетических воззрений ак. Лысенко. Заканчивая свою рецензию на книгу ак. Лысенко «Наследственность и ее изменчивость», переведенную в Америке в 1945 г., проф. Денн писал о взглядах Лысенко на современную теорию наследственности следующее:

«Если подобный взгляд был возможен в XIX веке и для тех, кто незнаком с современными фактами наследственности, то странно встретить столь упрощенное возвращение к нему в стране, в которой достигнут такой замечательный прогресс в генетике, как в СССР с 1920 г. по 1940 г. Это кажется анахронизмом, несколько напоминающим отрицание фактов эволюции в многих районах столь прогрессивной страны, как США. В обоих случаях причины подобного отношения для лиц, находящихся за пределами страны, представляются темными и загадочными. В обоих случаях, также, научное положение страны настолько прочно, что неортодоксальные взгляды небольших группок могут быть спокойно представлены суду времени и прогресса» **.

В своей статье т. Лаптев сообщает об антисоветском выступлении Дарлингтона и затем пишет:

«понятен союз Жебрака с Дарлинтоном, Саксом и другими мракобесами из реакционно-капиталистического лагеря».

Статья т. Жебрака является возражением Саксу и в ней нет ни слова о Дарлингтоне. Тирада о союзе т. Жебрака с Дарлинтоном является чистым вымыслом Лаптева. При этом т. Лаптев обязан знать, кто беспринципно подымает Дарлингтона на щит, когда это кажется выгодным в борьбе против советской генетики. В журнале «Агробиология», выходящем под редакцией ак. Лысенко, в апрельском номере 1947 г. мы читаем следующее:

«наши селекционные учреждения не могут игнорировать трезвые предложения Дарлингтона. Эти предложения, как мы указывали, не только полностью согласуются с достижениями нашей агробиологической теории, но и вытекают из этой теории». (стр. 160)

Т. Лаптев не имеет никаких доказательств о согласии т. Жебрака с политическими взглядами Дарлингтона. Вымышленный вывод о союзе Жебрака — Дарлингтона он подсовывает читателю, используя фразу т. Жебрака о строительстве «мировой биологии».

Однако может быть т. Лаптев прав в основном, утверждая, что Жебрак совершил антипатриотический поступок, вынеся свои разногласия с ак. Лысенко на страницы научного буржуазного журнала? С этим нельзя согласиться по следующим обстоятельствам. Генетическая дискуссия длится более 10 лет. Советские печатные материалы по дискуссии переведены за границей и там отлично известно, кто выступал с критикой ак. Лысенко. К чести советских генетиков можно сказать, что никогда никто из них не вынес ни единого слова об этих разногласиях в буржуазные научные журналы, которые для этой цели всегда готовы были широко распахнуть свои двери. Многочисленные работы советских уче-

* Имеется в виду статья И. И. Презента «Борьба идеологий в биологической науке». Ред.

** На полях письма имеются отчеркивания и пометы зеленым, красным и синим карандашами. Отчеркнуты и два последних абзаца, а сбоку написано: «С Лаптевым не согласен, с Денном согласен». Ред.

ных печатались в Америке и в Англии и ни в одной из них не прозвучало ни одного слова о дискуссии с Лысенко.

Что касается т. Жебрака, то он не мог не коснуться вопроса об ак. Лысенко в своем ответе Саксу, иначе весь его ответ был бы никчем. Клевета Сакса именно в том и состояла, что Лысенко якобы политическим давлением уничтожил генетику в СССР. Ответ т. Жебрака имел значение только потому, что этот ответ был дан ученым, который несогласен с ак. Лысенко и работы которого в СССР идут успешно, несмотря на истерические крики Сакса, будто бы современная генетика уничтожена в СССР.

Только тот факт, что т. Жебрак имеет полное право свободным голосом заявить о своих несогласиях с ак. Лысенко мог убить клевету Сакса.

Проф. Жебрака можно критиковать за недостатки его статьи, за его форму критики ак. Лысенко, однако нельзя согласиться с утверждением, что в основе этой статьи якобы лежали антипатриотические побуждения.

В статье т. Лаптева по отношению к взглядам ак. Лысенко мы имеем только безудержную похвалу. Этим она помогает атмосфере застоя, которая сложилась вокруг высказываний ак. Лысенко и преграждает дорогу для правильной критики его ошибок. А вместе с тем, чего стоят, например, такие философские перлы? В передовой журнала «Агробиология» ак. Лысенко пишет, что в основу развития сельско-хозяйственной науки надо положить агробиологию. Центральное теоретическое положение этой науки ак. Лысенко формулирует так:

«Мы твердо убеждены в том, что если рассматривать живое тело как диалектическое единство, то в этом единстве формой нужно считать тело, а условия жизни тела — содержанием» (Агробиология 1947, № 2 стр. 18)

Антимарксистская точка зрения, что условия жизни якобы являются содержанием живого, заставляет ак. Лысенко игнорировать исторически сложившиеся внутренние факторы развития организмов. Ак. Лысенко клеветает на генетиков, заявляя, что они якобы развивают теорию о невозможности направленного создания новых форм растений и животных. Вопреки генетикам, доказавшим, что основой управления жизнью является изменение исторически сложившейся организации растений и животных на базе использования внутренних противоречий развития и под влиянием внешних факторов, ак. Лысенко заявляет, что для этого нужно управлять только условиями жизни.

Эта механистическая вредная теория разоружает советскую практику, и недаром ак. Лысенко и его ученики беспомощны, как только дело доходит до практического создания новых сортов растений. Их обещания о выведении сортов зерновых в 2—3 года были и остаются пустой фразой*. К сожалению, до сих пор нет объективной оценки того, чьи же сорта сеются на полях наших совхозов и колхозов и какими методами они выведены? Не сомневаюсь, что эта объективная оценка показала бы, какое практическое значение имеют методы, разработанные экспериментальной генетикой, и насколько бесплодны селекционные методы, рекламируемые ак. Лысенко.

Ошибочная концепция, что условия жизни являются содержанием живого, а также атмосфера теоретического застоя мешает ак. Лысенко видеть новое и полезное, если только оно развивается советскими учеными, несогласными с его взглядами. Например, генетики разработали новые методы создания форм растений путем экспериментального удвоения числа хромосом в ядре клетки (полиплоидия). Ак. Лысенко обрушился на этот метод...

Ак. Лысенко и его сторонники не видят, как выросла современная экспериментальная генетика. Они не видят нового в таких направлениях генетики как биохимическая генетика, связанная в частности с получением

* Против этой фразы на полях написано: «неправильно». Ред.

ем высокопроизводительных мутантов у пеницилиума и у других форм, дающих антибиотики, как иммунногенетика, как физиологическая генетика, как разработка физических основ наследственности, как новое направление по генетике и эволюции популяций, которое выросло в экспериментальное развитие дарвинизма и т. д. Все эти прогрессивные области, имеющие огромное значение для теории и практики советской науки, зачеркиваются, зачисляются в разряд «буржуазных» теорий, хотя ряд из них создан на советской почве, трудами советских ученых...

Глубокоуважаемый Андрей Александрович! Я позволил себе привлечь Ваше внимание к вопросам развития советской экспериментальной генетики, так как эта наука разрабатывает основные вопросы теории и практики в области биологии и потому всякое замедление работы в этом направлении имеет вредные последствия в нашей борьбе с капиталистической системой.

Как советский ученый я считаю своим долгом привлечь внимание руководства партии к этим вопросам.

Член-корреспондент
АН СССР

Н. Дубинин*

Ни аргументированные возражения несправедливо обвиненных генетиков, ни протесты их коллег не смогли поколебать мнения, predeterminedного статьей в газете «Правда». Хотя число обращений ученых в ЦК ВКП(б) и прежде всего к секретарю ЦК А. А. Жданову было значительным, не удалось обнаружить ни одного заключения, в котором содержалась бы оценка высказанных точек зрения.

Вопрос о дискредитации А. Р. Жебрака — одного из основных противников Лысенко — был предрешен. В результате выступлений в печати он был снят с поста президента Академии наук БССР, а партком Министерства высшего образования СССР, квалифицируя его выступление на страницах американского журнала «Science» как антипатриотическое и антигосударственное, внес предложение привлечь А. Р. Жебрака к «суду чести». Заседания «суда чести» состоялись 21–22 ноября 1947 г. А. Р. Жебраку был вынесен общественный выговор.

Подобной акции должен был быть подвергнут и Н. П. Дубинин. С инициативой привлечения его к «суду чести» выступила парторганизация Института генетики АН СССР, во главе которого стоял, как известно, Т. Д. Лысенко. Однако, академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР академик Л. А. Орбели «высказал свое мнение, что достаточных поводов — как писал академик-секретарь Академии наук СССР академик Н. Г. Бруевич секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову, — для предания члена-корреспондента Дубинина Суду Чести нет», а президент АН СССР академик С. И. Вавилов «всегда и в совершенно определенной форме высказывался за то, что никаких оснований для передачи дела Дубинина в Суд Чести нет»**.

Уместно напомнить, что за особый вклад в сохранение и развитие генетики академик, лауреат Ленинской премии Н. П. Дубинин Указом Президента СССР от 16 октября 1990 г. также удостоен звания Героя Социалистического Труда.

К осени 1947 г., казалось бы, наметилось упрочение позиций Лысенко, его наиболее активные критики были скомпрометированы. Но даже в условиях нарастающего морального террора ученые-генетики не прекращали борьбы. В конце октября 1947 г. С. И. Алиханян вновь обращается с письмом к А. А. Жданову.

* ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 40–53. Ред.

** ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 547, л. 151–152.

С. И. Алиханян — А. А. Жданову

27 октября 1947 г.

Глубокоуважаемый Андрей Александрович!

Почти полгода тому назад я вместе с проф. Жебраком А. Р., заведующим кафедрой генетики ТСХА, написал Вам письмо о состоянии генетики в СССР.

С тех пор прошло много времени. Много важных событий произошло за это время. Самым главным для меня было закрытое письмо ЦК ВКП(б) по делу Ключевой и Роскина.

Многое я передумал после этого письма, над многими вопросами заставил меня этот документ задуматься.

Мне опять и опять лезут в голову мысли о судьбе нашей науки — генетики в СССР, о той неправильной ориентации, которой придерживаются ряд руководящих товарищей к нашей науке, о той огромной пользе, которую можно извлечь для нашего народного хозяйства и которая извлекается из генетики, но с огромными трудностями и в борьбе с косными предрассудками различных ведомств и ВАСХНИЛ, а, самоотверженным трудом советских генетиков и, наконец, о той вредной, неправильной теоретической трактовке вопросов наследственности со стороны Лысенко Т. Д. и его друзей (Презент, Глущенко, Дворянкин и др.), которые мешают развитию советской генетической науки.

Лысенко и другие стараются представить свои мысли как нерушимые научные принципы, а все, что им противопоставляется, как лженаучные и буржуазные.

Критики Лысенко Т. Д. не любит. Все, что он говорит, должно быть немедленно принято или, в противном случае, критика ждут ярлыки и обвинения в политической недоброкачественности.

Я пишу об этом не только потому, что научная совесть советского ученого этого требует, но и потому, что я защищал эту честь советского человека с оружием в руках. И не потому я искалечил себя*, чтобы так легко престиж всего того, что называется советским, отдавать людям, готовым его ронять в угоду своим, узко групповым, научным интересам.

Я еще раз ПРОШУ ВАС, АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ПРИНЯТЬ МЕНЯ и дать возможность в личной беседе с вами, разрешить ряд вопросов, имеющих важное государственное и политическое значение.

Зам. зав. кафедрой генетики животных
и растений Московского государственного
университета

27.X.47 г.

С. Алиханян**

Ни С. И. Алиханян, ни кто-либо другой из генетиков А. А. Ждановым принят не был. И хотя на письма не последовали отклики, все они были сохранены. В послевоенные годы в архиве ЦК ВКП(б) накопилось значительное количество материалов для объективной оценки деятельности Лысенко, по существу было собрано солидное антилысенковское «досье». Генетики еще не теряли надежды на изменение политического климата.

(Окончание следует).

Публикацию подготовили старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР В. Есаков, научный сотрудник ИМЛ ЦК КПСС С. Иванова при участии старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники АН СССР Е. Левиной.

* Автор письма имеет в виду последствия тяжелого ранения, полученного им на фронте. Ред.

** ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 547, л. 142 и об. Ред.